

Кулябина Лидия Николаевна,

кандидат политических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.
E-mail: lidiakuliabina@gmail.com

Lidiia N. Kuliabina,

Ph.D. (Political Science),
Department of political science and political philosophy,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: lidiakuliabina@gmail.com

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СТРАНАХ «ВИШЕГРАДСКОЙ ЧЕТВЕРКИ»

POLITICAL PROCESSES IN THE COUNTRIES OF THE "VISEGRAD GROUP"

Аннотация: статья представляет собой рецензию на монографию «Центральная Европа: политический портрет на фоне 100-летия», вышедшую в издательстве Института Европы РАН в 2018 г. В статье анализируются характер представленных в монографии оценок событий настоящего и прошедшего веков, перспективы развития Вишеградской четверки и новых вариантов форматирования пространства Центрально-Европейского региона (Славковское сотрудничество, «Триморье»), а также динамика внутривнутриполитического и экономического развития Венгрии, Польши, Словакии и Чехии, обусловленная фазой избирательных циклов и спецификой инкорпорирования в общеевропейский рынок.

Ключевые слова: Центральная Европа, Вишеградская группа, Вишеградская Европа, Славковский формат, «Триморье», ФИДЕС, «Право и справедливость», «Смер-СД», АНО (Акция недовольных граждан), «Йоббик», миграция, евроскептицизм.

Abstract: the article is a review of the monograph «Central Europe: political portrait on the background of the 100th anniversary» published by the Institute of Europe of RAS in 2018. The article analyzes the nature of the assessments of the events of the present and past centuries presented in the monograph, the prospects for the development of the Visegrad group and new options for formatting the space of the Central European region (Slavkov Cooperation, Three Seas Initiative), as well as the dynamics of domestic political and economic development of the Czech Republic, Hungary, Poland and Slovakia due to the phase of electoral cycles and the specifics of incorporation into the European market.

Key words: Central Europe, Visegrad group, Visegrad Europe, Slavkov Cooperation, Three Seas Initiative, FIDESZ, «Law and justice», SMER-SD/ SMER, ANO (Action of dissatisfied citizens), Jobbik, migration, euroscepticism.

Памятные даты и их оценки

Название монографии «Центральная Европа: политический портрет на фоне 100-летия» не лишено двусмысленности, что создает определенную интригу, но требует дополнительных разъяснений. Неоднозначность эта касается и временного, и пространственного факторов.

Столетие как фон, особенно при написании с использованием цифровых и буквенных обозначений (100-летие), рождает в восприятии двойную интерпретацию: либо речь идет о XXI в. (тогда есть смысл ожидать, что описываемый событийный ряд будет вписан в глобальные процессы современности), либо отсчет следует вести от события столетней давности, определившего современность. Для стран, политической жизни которых посвящена монография, таких дат две: 28 октября 2018 г. отмечалось 100-летие основания Чехословацкой Республики, а 11 ноября 2018 г. одновременно с празднованием всей Европой заключения Компьенского перемирия, завершившего боевые действия Великой войны, названной впоследствии Первой мировой, Польша отмечала 100-летие восстановления независимости. Авторам удалось с успехом совместить обе линии хронологических интерпретаций.

Именно историческому фону посвящен раздел, предваряющий основной текст монографии. Критикуя 10-й, 11-й и 13-й пункты «Палаты цивилизованной вселенной» профессора-идеалиста Вудро Вильсона, авторы считают, что с точки зрения центрально-европейских народов «14 пунктов» породили не меньшее количество проблем, чем призваны были разрешить. Кроме того, авторы фиксируют наличие общественного дискурса относительно упущенных «шансов на сохранение единого политического пространства в рамках политически преобразованной Австро-Венгерской империи», а также о целесообразности распада Чехословакии [7, с. 13].

Столь неожиданные развороты в оценках подтверждаются и данными опросов. Один из заключительных параграфов исследования посвящен вопросам общественного мнения населения Чехии и Словакии по поводу так называемых восьмерочных юбилеев (1918 г. – 100 лет Чехословакии, 1938 г. – 80 лет Мюнхенскому сговору, 1948 г. – 70 лет прихода к власти коммунистов, 1968 г. – 50 лет Пражской весне). Такой прием выстраивания текста любопытным образом «закольцовывает» повествование, способствует восприятию монографии как целостного произведения.

Рейтинг самых негативно оцениваемых событий 100-летия возглавляют ввод в Чехословакию войск стран – членов Организации Варшавского договора в 1968 г. (76% отрицательных оценок, в том числе 57% однозначно отрицательных), а также Протекторат нацистской Германии над Богемией и Моравией, установленный в 1939 г. (74 и 54% соответственно). Небольшой зазор в цифрах, очевидно, можно списать на 30-летний временной разрыв между событиями (живых свидетеле-

лей событий конца 1930-х гг. всё меньше, в то время как о вводе войск Варшавского договора большинство вспоминает с нескрываемой горечью). Здесь обращает на себя внимание тот факт, что оба события воспринимаются чешским и словацким населением как оккупация.

Показательно, что в топ отрицательных оценок парно (с показателями 69 и 67% соответственно) попадают Мюнхенский сговор 1938 г., результатом которого стало установление Протектората, а также приход к власти в Чехословацкой Социалистической Республике коммунистической партии, что предопределило место Чехословакии в социалистическом блоке.

Среди позитивных событий прошедшего столетия безоговорочно лидирует «бархатная революция» (72% положительных оценок), за ней следует период Первой Чехословацкой Республики (66% положительных оценок).

В отношении остальных событий прошедших 100 лет консенсус в обществе не столь крепкий: только чуть более половины респондентов положительно оценили деятельность Хартии-77, политико-экономическое развитие в 1990-е гг., а также вступление Чехии в НАТО; чуть менее половины – общественное движение Пражской весны и вступление в ЕС.

В заключение исторического раздела авторы фиксируют как важнейшую современную тенденцию возрождение концепта Центральной Европы (в самом его многогранном и даже философском звучании), что в интерпретации исследователей звучит скорее как предостережение: «Феномен Центральной Европы имеет обыкновение возрождаться на гребне кризисных моментов в европейской истории» [6, с. 13–14]. Эксперты склонны расценивать этот фактор как сигнал нового серьезного кризиса в Европе.

Политическое пространство и дилеммы наименований

Очертания территории, в отношении которой в мировой политике используется термин «Центральная Европа», нельзя назвать ни традиционным, ни устоявшимся. Четыре из пяти глав книги посвящены внутривнутриполитическим процессам в четырех странах Вишеградской группы (V4) – Венгрии, Польше, Словакии и Чехии, – чья принадлежность к региону Центральной Европы не ставится под сомнение. Однако понимание региона, название которого в 1980-е гг. стало результатом троичного принципа размежевания этой части света на западную, восточную и центральную, до сих пор остается объектом дискуссий [5]. Центральная Европа значительно шире Више-

градского объединения и включает в свой состав, как минимум, еще Румынию, Словению, Хорватию, иногда Болгарию (если речь не идет о более детальном делении, предполагающем вычленение Юго-Восточной Европы), а зачастую сюда же относят и Австрию со Швейцарией. Участниками Центрально-Европейской инициативы, основанной в Будапеште в 1989 г., были 18 стран: от Италии на западе, Албании и Сербии на юге до Украины на востоке. Членами созданной совсем недавно «Инициативы Трех морей» («Триморье») являются 12 государств (помимо Вишеградской четверки еще три страны Балтии, а также Австрия, Болгария, Словения, Хорватия и Румыния).

Вопрос с наименованием мезорегионов имеет более принципиальное значение, чем может показаться, поскольку используемые географические названия политически не нейтральны. Появившись во второй половине XIX в., термин «Центральная Европа» сначала использовался для определения сферы влияния Германии, а в 1980-е гг. – как часть Европы, «чья культура принадлежит Западу, а политический режим – Востоку» [2].

С одной стороны, авторы монографии в текстах большинства глав используют формулу «V4 как ядро Центральной Европы» [6, с. 12, 234 и др.], с которой сложно не согласиться, хотя, с другой стороны, эту формулу нельзя не признать дискриминационной по отношению к остальным странам региона. Исследователи указывают, что изначально объединяющей тематикой V4 было не многостороннее взаимное сотрудничество, а ориентация на практически «пакетное» вступление в НАТО и ЕС, что привело к ситуации, когда «фактически Группа стала закрытым клубом, куда новые члены не допускались» [4]. Однако позиция авторов вышедшей в 2018 г. в Институте Европы РАН работы диаметрально противоположна: «Вишеградская группа может считаться ядром, первой скоростью, современной Центральной Европы, к которому на различных условиях (однако исключая членство) могут присоединяться окружающие страны» [6, с. 12, 234 и др.]. Противоречивость оговорки «однако исключая членство» свидетельствует о том, что V4 всё же не следует расценивать как открытую.

Во введении авторы объясняют более частое употребление термина «Вишеградская группа» (по сравнению с Центральной Европой) необходимостью избежать «преобладания идеологического контекста» [6, с. 6]. Постулируя идею о том, что, наконец, через 100 лет после распада континентальных империй четырем самостоятельным государствам больше не нужно отмежевываться ни от западных, ни от восточных соседей, использовать терминологию, навязанную геополитическими

соображениями мировых держав, авторский коллектив монографии «Центральная Европа: политический портрет на фоне 100-летия» отдает предпочтение термину «Вишеградская Европа».

Видя страны региона через призму именно этого определения – самостоятельными, сильными, следующими своим национальным интересам, «решительно разговаривающими с Брюсселем» [6, с. 232], – российские европейцы выделяют семь основных показателей (достижений) региона: общее таможенное пространство, паритет между всеми государствами-участниками, способность продемонстрировать сплоченность, рост авторитета в глазах всей Европы (прежде всего в глазах Франции и Германии), формирование особого типа экономик (сочетание местной и западной традиций) и др. Очевидно, однако, что прошедшая практически незамеченной замена «Вышеграда» на «Вишеград» является реверансом не в пользу славянских фонетических канонов.

Несомненным украшением монографии является часть первой главы, посвященная анализу экономического развития четверки центральноевропейских государств. Ее автор – кандидат экономических наук, доцент кафедры МГИМО(У) МИД России Анджей Габарта – определяет экономики стран региона в рамках встроенной неолиберальной модели (embedded neoliberalism), для которой характерны поиски компромиссов между рыночным механизмом, элементами патерналистского государства и протекционизмом. Называя результаты экономического развития последних десятилетий «впечатляющими» [6, с. 62], автор обращает внимание на характерный дуализм в сложившихся экономических структурах. Лишь малый и средний бизнес Венгрии, Польши, Словакии и Чехии представлен национальными игроками (его отличительные черты – экстенсивность и низкая производительность), в то время как крупный бизнес – это европейские операторы, по большей части ТНК, подчинение интересам которых и формирует направление социально-экономического развития стран региона [6, с. 51].

Авторы монографии отмечают также, что структура региональных экономик и занятости в центральноевропейских странах существенно отличается от западных. Доля сельхозпроизводства выше, чем в западных странах (до 3,3% в Венгрии и Словакии), процент занятости в сельском хозяйстве населения тоже слишком высок (до 11% в Польше), то же касается и занятости в промышленности (до 38% в Чехии), а сфера услуг до западных стандартов не дотягивает (максимум у Венгрии – 65%). Ссылаясь на «Отчет о глобальной конкурентоспособности» за 2018 г., опубликованный Всемирным эконо-

мическим форумом, исследователи указывают на то, что страны Вишеградской группы определены там как переходные: от экономики, движимой эффективностью, к экономике, движимой инновациями, причем перевалить за эту линию демаркации удалось пока только Чехии [6, с. 57]. Кроме того, в монографии отмечается, что уровень доходов стран V4 по-прежнему в 3 раза ниже, чем показатель для стран «старой Европы» [6, с. 55].

Возвращаясь к вопросу политической ангажированности географических определений, справедливости ради следует заметить, что всё, что связано с термином «Вышеград», имеет четкие и недвусмысленные коннотации прозападно ориентированного движения – как ментально-культурного, так и военно-инфраструктурного. Так, Мартин Бутора, бывший советник Вацлава Гавела, претендовавшего на роль инициатора Вишеградской декларации (эта роль оспаривалась двумя другими подписантами – Лехом Валенсой и Йожефом Анталлом), в пилотном выпуске финансируемого ЕС журнала «Visegrad Inside» в статье с красноречивым названием «Мечта о Вышеграде мертва?» (Is the Dream of Visegrad Dead?) писал: «Вышеград служил тем же самым целям для Центральной Европы, как НАТО для Западной Европы: “не пускать русских” (как первая цель – обеспечение вывода советских войск и дистанцирование от Москвы), удерживать “американцев” (укрепление американского присутствия в Европе путем вхождения в НАТО) и держать “демонов Центральной Европы” (агрессивных национал-популистов) под контролем» [4].

Ассоциирование Вишеградской четверки с членством в ЕС чревато укреплением ментального искажения еще одного порядка. В 2000-е гг., особенно после самого масштабного расширения Евросоюза, на обыденном уровне сформировался шаблон «говорим Европа – подразумеваем ЕС» (восприятие Европы и Евросоюза как синонимов). Потребовались серьезные усилия для обнаружения и устранения этого ментального наслоения [1]. Сегодня шаблон «говорим Центральная Европа – подразумеваем Вишеград» таит в себе опасность окончательного оттеснения на задворки Европы центральноевропейских стран вне Вышеграда (Румыния, Болгария, Словения, Хорватия), в особенности не членов ЕС (Северные Балканы). Это соображение может пополнить список возражений против замещения термина «Центральная Европа» Европой Вишеградской.

Кроме того, следует иметь в виду, что некоторые эксперты продолжают придерживаться двоичного принципа межевания Европы, условно деля ее только на западную и восточную [3].

Из всех «невишеградцев» в монографии отрывочно упоминается лишь Румыния. Так, премьер-министр Венгрии Виктор Орбан в речи по поводу 100-летия современной Румынии в июле 2018 г. в румынских Карпатах заявил, что Трансильвания и земля секеев (венгров, компактно проживающих на территории Румынии) существовали тогда, когда государства румын еще не было, и «будут существовать и тогда, когда Европа станет мусульманской» [6, с. 81]. Подобное заявление как нельзя более красноречиво свидетельствует о том, что противоречия не изжиты, а лишь закапсулированы, как за пределами Вишеграда, так, очевидно, и внутри группировки.

Геометрии объединений

Весьма любопытной и перспективной с точки зрения исследовательской проблематики является заявленная руководителем авторского коллектива, ведущим российским экспертом по странам V4 Любовью Николаевной Шишелиной тематика иных, кроме Вишеградской четверки, вариантов форматирования региона через ряд региональных инициатив. Так, идею «Триморья» (или «Тримариума», Three Seas Initiative – TSI), предложенную в 2015 г. Польшей как формат взаимодействия 12 государств, втиснутых в треугольник между Балтикой, Адриатикой и Черноморьем, эксперт называет «продолжением давней мечты польской элиты о лидерстве и об особой роли на Европейском континенте» [6, с. 23].

На втором саммите «Триморья» в начале июля 2017 г. Дональд Трамп пытался договориться о поставках сланцев. А 17–18 сентября 2018 г. был проведен уже третий саммит этой польской региональной инициативы. Профессор Л.Н. Шишелина оценивает это начинание с настороженностью: в отличие от V4, баланс в которой четко блюдетсся каждым из участников путем взаимного уравнивания интересов и претензий, а также благодаря общности интересов (ранее – вхождения в атлантические и евроструктуры, сейчас – отстаивания своих национальных интересов в рамках ЕС), новая структура, хотя и многочисленна, но не многомерна, а призвана, по мнению исследователя, укрепить политический потенциал Польши: «...многократно усиленный экономической поддержкой Брюсселя, он по ощущениям польской элиты превосходит ее внутренние границы и требует более широкого пространства действий» [6, с. 18].

Совсем в ином ключе видится инициатива «Славковского сотрудничества» (S3, по названию г. Славков-у-Брна, известного как Аустерлиц – место знаменитого сражения 1805 г.) – формата более тесного

взаимодействия исторически близких Австрии, Словакии и Чехии, сложившегося в том же, что и «Триморье», 2015 г. Трех соседям действительно есть чем заняться: между Чехией и Австрией до сих пор нет автомагистрали, как и газопровода между их газотранспортными сетями, требует модернизации магистраль между Моравией и словацкими регионами.

Однако, по справедливому замечанию Л.Н. Шишелиной, появление S3 вызвало напряжение в отношениях V4 (прежде всего из-за недовольства Венгрии, не приглашенной в новый формат). Представляется, что S3 может стать началом вовлечения Австрии в центральноевропейские дела. Но эксперт утверждает, что все уверения по поводу того, что S3 ни в коем случае не претендует на альтернативу V4 благодаря наличию в декларациях идей, дублирующих Вишеградские и общеевропейские инициативы (вроде способствования «повышению осведомленности общественности об общих интересах, доверии к региональному сотрудничеству и европейской интеграции» [6, с. 33]), воспринимаются скептически, но сам факт появления новых форматов S3 и TSI однозначно интерпретируется как сигнализирующий о попытках изменения соотношения сил в регионе.

Рутины демократических процедур

Значительная часть страноведческих глав монографии написана в классическом политологическом ключе: по итогам парламентских выборов в Чехии в 2017 г. и в Венгрии в 2018 г., муниципальных выборов в Польше и Словакии в 2018 г. проанализированы изменения в расстановке политических сил и в конфигурациях партийных систем во всех четырех странах. Причины неудач оппозиционных сил в Венгрии автор видит в их сосредоточении на тематике «анти-Орбан».

Анализируя причины стабильного результата ФИДЕС¹ и политического долголетия ее давно не молодого и уж точно не либерально настроенного лидера Виктора Orbana, в 2018 г. в третий раз подряд (а в общей сложности – в четвертый) занявшего пост премьера, авторы монографии отмечают в первую очередь «виртуозное политическое чутье» [6, с. 68]. Планы В. Orbana не ограничены сроками выборного цикла и простираются до 2030 года, когда Венгрия должна согласно стратегической цели возглавляемого им правительства войти в пятерку стран ЕС, «где лучше всего живется, думается и работает» [6, с. 80].

¹ Венгерский гражданский союз (венг. Fidesz – Magyar Polgári Szövetség) – одна из двух крупнейших политических партий Венгрии.

Анализируя секреты долгосрочного успеха Орбана, эксперты указывают и на эволюцию партии ФИДЕС, которая «может считаться сегодня одной из классических консервативных партий Европы» [6, с. 64]. Любопытна и другая метаморфоза, отчасти иллюстрирующая тезис об общемировой тенденции продолжающейся конвергенции партийных платформ: так, авторы монографии утверждают, что Социалистическая партия Венгрии, которая уже третий выборный цикл числится в аутсайдерах, «всё больше ассоциируется с интересами транснациональных компаний и местных олигархов, исповедующих трансатлантические ценности» [6, с. 64–65].

Общемировая тенденция экономизации политической жизни, превращения политиков в эффективных управленцев ярко проявилась в Чехии, когда в ходе предвыборной кампании лидер антисистемного движения ANO (Акция недовольных граждан – чеш. Akce nespokojených občanů) Андрей Бабиш – один из богатейших жителей Чехии – заявил о концепции руководства государством как предприятием, предложив избирателю представить его как менеджера фирмы под названием «Чехия» [6, с. 175]. В итоге парламентских выборов партия А. Бабиша победила, набрав почти 30% голосов, что всё же не позволило ей сформировать однопартийное правительство.

Внутриполитические кризисы, поразившие в 2017–2018 гг. Чехию и Словакию, по мнению одного из авторов и редакторов книги М.В. Ведерникова, имеют разную природу. В Чехии затяжной кризис был вызван победой на выборах внесистемной партии, что повлекло за собой восьмимесячную процедуру утверждения работоспособного коалиционного правительства. Лидер победившей АНО Андрей Бабиш, находившийся под следствием за растрату средств фондов Евросоюза, при поддержке президента М. Земана, дважды за этот период назначавшего Бабиша премьером и предоставлявшего возможность сформировать коалиционное правительство, в итоге сумел-таки договориться с чешскими коммунистами и социал-демократами.

В Словакии же механизм одномоментно вспыхнувшего кризиса был запущен экстраординарным для страны событием – убийством журналиста Яна Куцяка, расследовавшего связи правящей партии «Смер» с итальянской мафией. Сопоставимая по масштабам со временами «бархатной революции» волна возмущений (до 65 тысяч человек в Братиславе и 120 тысяч человек по стране) привела к отставке премьера Роберта Фицо, оставшегося тем не менее на посту лидера правящей партии, и формированию нового правительства, по большинству параметров схожего с предыдущим. Таким образом,

политическую ситуацию в Словакии 2019 г. чаще сравнивают с положением в Польше, где Ярослав Качиньский – лидер правящей партии – также не является премьером.

Авторы коллективной монографии – отечественные европейцы, ведущие страновые эксперты – не только описывают коллизии межпартийной борьбы, перемены в общественных настроениях, но и обращают внимание читателя на те «маркеры», «маячки», на основании анализа которых прогноз разворотов во внутренней и внешней политике становится возможным.

Так, руководитель авторского коллектива, ведущий российский эксперт по Венгрии доктор исторических наук Любовь Николаевна Шишелина обращает внимание на то, что наиболее значимыми источниками знаний о венгерской политической жизни являются не дебаты в Национальном собрании и даже не официальные заявления министров, а то, что произносится в дни памятных дат – 15 марта и 23 октября. В череду знаковых речей исследователь ставит также и те, что произносятся венгерским премьером в рамках ежегодного летнего лагеря посреди румынских Карпат (близ румынского городка Тушнадфюред, 90% населения которого составляют венгры-секеи) [6, с. 78].

Таким образом, Л.Н. Шишелина считает, что понимание линии поведения Венгрии невозможно без учета так называемой трианонской травмы – травмы разделенного народа, упоминание которой в виде формулы «страна с населением 10 млн и нация в 15 млн» впервые озвучено Орбаном вслед за первым президентом Венгрии в 2018 г.

«Российская тема»

России, по меткому замечанию А. Нойманн, в Центральной Европе отведена роль «конституирующего чужого» [7]. Однако выборы 2017–2018 гг. показывают, что «российская угроза» в предвыборных кампаниях эксплуатирует уже не столь интенсивно, как в предыдущие периоды (уже не считается среди политтехнологов выигранным сюжетом), а отдельные политические силы вновь заявляют о своей пророссийской ориентации.

В Венгрии тезис о «российской угрозе» в 2018 г. сохранили в своих программах только партии либерального толка, называя российское влияние беспрецедентным и призывая от него «очиститься».

Позиция премьера В. Орбана, усилиями которого долг перед Международным валютным фондом, взятый в кризисном 2008 г., был погашен, а представительство Фонда в Венгрии было закрыто, в отношении ситуации на Украине в последние годы весьма прагматична: «На насто-

ящий момент вместо развивающегося государства я вижу погрязшую в обслуживании рабских долгов экономику» [цит. по: **6**, с. 83]. Так что стремление Украины в НАТО венгерский политический должитель называет нереальным, в ЕС – с нулевыми шансами, чего нельзя сказать о стремлении России вернуть Украину как буферную зону. Политику, проводимую ЕС в отношении Российской Федерации, Орбан обозначает как примитивную, требующую замены на продуманную, формула которой – «дать безопасность тем, кто боится, и возможность торговать и строить отношения тем, кто не боится» [цит. по: **6**, с. 83]. К первым венгерский премьер относит Польшу и страны Балтии, ко вторым – Венгрию, Чехию, Словакию и Запад в целом.

Уже упомянутая польская оппозиционная «Гражданская коалиция» в ходе выборной кампании пыталась очернить лидера правящей партии «Право и справедливость» Ярослава Качиньского в том, что ему ближе по духу «авторитарные режимы Венгрии, Белоруссии и России», но в итоге оппозиционеры одержали победу лишь в 5 из 18 административных центров на муниципальных выборах [**6**, с. 141], а их шансы в выборной гонке 2019–2020 гг. оцениваются еще скромнее.

В Чехии две партии – «Свобода и прямая демократия» и Коммунистическая партия Чехии и Моравии (10,6 и 7,7% голосов на парламентских выборах 2017 г. соответственно) выступали с пророссийской риторикой. В симпатиях к Москве обвиняли и лидера победившей партии Андрея Бабиша, однако один из редакторов монографии и автор главы по Чехии кандидат исторических наук М.В. Ведерников на основании анализа предвыборной программы АНО заключает, что политический курс в отношении России видится сферой компетенции Брюсселя [**6**, с. 180], так что симпатии России – опять не больше чем уловка пропаганды.

Переизбранный на новый срок президент Милош Земан (победил во втором туре с перевесом менее 3%), признаваемый западными СМИ защитником российской позиции, по мнению Ведерникова, российскую карту в ходе выборов не разыгрывал, а следовал линии между «прагматичным русофильством» и «критическим западничеством» [**6**, с. 184]. Оппонент Земана, напротив, бравировал не подтверждаемыми фактами заявлениями о вмешательстве российских спецслужб в чешские выборы, но понимания среди населения не нашел.

В Венгрии, как и в остальных странах, куда более выигрышной картой избирательной кампании оказалась тема, активнее всех эксплуатировавшаяся ФИДЕС, – защита от неконтролируемых потоков

мигрантов, а также от напора Брюсселя по вопросам квотирования размещения нелегалов.

Евроскептицизм, миграционная волна и место Вишеграда в ЕС

Авторы монографии на региональном материале подтверждают гипотезу об изменении – очевидно, под влиянием затяжного Брекзита и роста напряжения в трансатлантических отношениях – не только характера, но и самой природы евроскептицизма: на смену лозунгам про «экзиты» пришли идеи кардинального преобразования Евросоюза изнутри (яркое свидетельство тому – ход и итоги майских выборов 2019 г. в европарламент). Так, «самая лучшая», или «наиболее правая», партия Венгрии (так переводится название существующей девятой год радикальной партии «Йоббик») изъясляла из своей программы образца 2018 г. пункт о выводе Венгрии из ЕС. А в Польше евроскептицизм обернулся гротеском: оппозиционная «Гражданская коалиция» «запугивала рядовых поляков, что нынешнее правительство тайно пытается вывести Польшу из Европейского Союза» [**6**, с. 141].

Миграционный кризис как системный кризис управления в ЕС не сформировал, а лишь проявил напряженность в отношениях между Брюсселем и Вишеградской четверкой.

Власти ЕС еще накануне событий «арабской весны» в конце 2010 г. раскритиковали действия премьера Венгрии В. Орбана по поводу «удушения» свободы СМИ, ограничения работы судей и даже потребовали внести корректировки в Конституцию страны, но тогда изменения формулировок Основного закона удалось избежать.

В 2018 г. доклад голландского депутата Европарламента Сангенти о курсе премьера Орбана был инициирован для запуска процедур пункта 7 в отношении Венгрии, по которому страна сначала лишается права голоса, а затем – и выплат из централизованного бюджета ЕС. На фоне Брекзита доклад создал довольно щекотливую ситуацию, когда лояльное к Брюсселю венгерское правительство в отстаивании национальных интересов пользуется всенародной поддержкой и сочувствием коллег не только по Вишеградской группе, но и из Австрии, Италии и даже Великобритании.

Защитник религиозных ценностей Виктор Орбан в уже упоминавшейся речи в румынских Карпатах сформулировал идею, которая отражает характер изменений в мировосприятии центральноевропейских элит: «Тридцать лет мы думали, что Европа – наше будущее, теперь мы знаем, что мы – будущее Европы» [цит. по: **6**, с. 84]. Венгерский

премьер в этой фразе выразил не только эволюцию взглядов в странах Вишеградской четверки, но и грядущую поколенческую ротацию европейских элит: на смену генерации 1968 г. идут поколения 1990-х гг. Думается, что именно в характеристиках этого поколения следует искать истоки европейской политики на пару ближайших десятилетий. Виктор Орбан убежден, что приходящее к власти в государствах Европы поколение воспитано в духе антикоммунизма, на христианских и национальных ценностях. Если так, есть серьезный шанс на то, что «третирование» стран региона относительно «недостаточной демократичности их внутренней политики» со стороны структур ЕС будет прекращено.

Авторы коллективного исследования порой ставят вопрос в довольно провокационном ключе, например: «Станет ли брекзит последним добровольным выходом из ЕС» [6, с. 14]. Однако если вынести за скобки противоречия, возникшие между Брюсселем и Вишеградской четверкой по вопросам регулирования притока нелегальных мигрантов, а также нападки евродепутатов (по поводу недостаточного уровня демократичности внутривнутриполитической жизни и эффективности национальных правительств) с попытками подведения под седьмой пункт Лиссабонского договора сначала Польши в 2017 г., а затем и Венгрии в 2018 г., можно констатировать, что за последние 100 лет Венгрия, Польша, Словакия и Чехия сейчас переживают едва ли не самые светлые периоды своей истории.

Список литературы

1. Европейский путь для России: за и против / Д.С. Алексеев и др.; отв. ред. А.В. Акульшина. – Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2017. – Режим доступа: http://euspace.vsu.ru/UserFiles/files/event2017/Sbornik_may2017.pdf (дата обращения: 12.03.2019).
2. Кундера М. Трагедия Центральной Европы (эссе) // [перевод с:] The New York Review of Books. – Vol. 31. – April 26, 1984. – No. 7. – Режим доступа: <https://www.proza.ru/2005/12/16-142> (дата обращения: 20.03.2019).
3. Миллер А. Вызов из прошлого. Историческая политика: витки спирали в Восточной Европе начала XXI века // Россия в глобальной политике. – 2011. – № 5. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/number/Vyzov-iz-proshlogo-15354> (дата обращения: 21.03.2019).
4. Хотькова Е.С. Вишеградская группа: опыт и перспективы // Проблемы национальной стратегии. – 2012. – № 4 (13). – С. 57. – Режим доступа: https://riss.ru/images/pdf/journal/2012/4/06_.pdf (дата обращения: 04.04.2019).
5. Центральная Европа как исторический регион / отв. ред. А.И. Миллер. – М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1996. – 266 с.
6. Центральная Европа: политический портрет на фоне 100-летия / [Л.Н. Шишелина и др.]; под ред. Л.Н. Шишелиной, М.В. Ведерникова; Федеральное гос. бюджетное учреждение науки, Ин-т Европы Российской акад. наук. – М.: ИЕ РАН, 2018. – 240 с.
7. Neumann I.B. The Uses of the Other. "The East" in European Identity Formation. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999. – 281 p.

Гарбузарова Елена Геннадьевна,

кандидат исторических наук,
Кыргызско-Российский Славянский университет, Бишкек.
E-mail: play_elenag@mail.ru

Elena G. Garbuzarova,

PhD in History,
Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek.
E-mail: play_elenag@mail.ru

ЭКОНОМИКА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

ECONOMY OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Аннотация: в год юбилейного саммита глав-государств стран – участниц Евразийского экономического союза (ЕАЭС) представляется актуальным познакомить читателя с книгой, посвященной экономике ЕАЭС. В рецензии на данную книгу рассматриваются предпосылки создания ЕАЭС с акцентом на факторах, заложивших основу для появления первой интеграционной структуры на постсоветском пространстве – СНГ. Особое внимание уделяется статусу ЕАЭС в современном мире, растущему интересу со стороны ряда государств мирового сообщества к евразийской интеграции. Анализируются проблемы и перспективы евразийского сотрудничества в области промышленности, создания единого рынка товаров, услуг и рабочей силы, а также формирования единого валютного союза. Выделяются негативные тенденции, которые могут вызвать кризис в евразийской интеграции, и стратегические инициативы, которые могут вывести ЕАЭС на достойное место в мире.

Ключевые слова: ЕАЭС, евразийская интеграция, регионализация, СНГ, зона свободной торговли, миграция, Китай, ЭПШП, геополитические и геоэкономические риски, сценарии развития евразийской интеграции.

Abstract: in the year of the anniversary summit of the heads of states of the Eurasian economic Union (EAEU) it is important to acquaint the reader with a book, devoted to the economy of the EAEU. The review of this book examines the prerequisites for the creation of the EAEU with an emphasis on the factors that laid the foundation for the emergence of the first integration structure in the post-soviet space – the CIS. Particular attention is paid to the status of the EAEU in the modern world, the growing interest of a number of states of the world community to the Eurasian integration. The problems and prospects of Eurasian cooperation in the field of industry, the creation of a single market of goods, services and labor as well as the formation of a single monetary Union are analyzed. The author highlights the negative trends that can cause a crisis in the Eurasian integration and strategic initiatives that can bring the EAEU to a worthy place in the world.

Key words: EAEU, Eurasian integration, regionalization, CIS, free trade zone, migration, China, SREB, geopolitical and geoeconomic risks, scenarios of Eurasian integration.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) становится важным фактором мировой экономики и политики, генерируя новую евразийскую философию, в основу которой заложены принципы равноправия и взаимной выгоды. Благодаря значительным политическим и дипломатическим усилиям России на постсоветском пространстве удалось создать новую геоэкономическую модель многостороннего